

**ГОМЕЛЬЩИНА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО СТРАНИЦАМ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПУБЛИКАЦИИ)**

Л. С. СКРЯБИНА

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В последние годы значительно возрос интерес не только исследователей, но и широкого круга читателей к событиям трагического начала Великой Отечественной войны. Свидетельством тому является довольно большой пласт научных исследований, в которых отражены драматические события самого начального периода войны. Вместе с тем эта проблема требует более объективного и всестороннего осмысления, т. к. она остается все еще недостаточно изученной. Особую роль в этой связи следует отвести архивным документам и материалам, содержание которых дает яркое представление о событиях, которые происходили в первые месяцы войны. Большой интерес научной общественности вызвали документы и материалы, опубликованные в сборнике «Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны», вышедшем в 2010 г.

Материалы сборника повествуют об огромной организационной работе, которая проводилась ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в т. ч. областными, районными партийными, советскими организациями по мобилизации ресурсов страны для отпора фашистской агрессии. Можно много приводить примеров, нашедших отражение в соответствующих документах, о руководящей роли правящей в стране Коммунистической партии и Советского правительства в решении стратегических задач начального периода войны. В то же время, содержание некоторых архивных документов свидетельствует о том, что не все было сделано из того, что следовало из складывающейся ситуации. Отдельные партийные и советские работники проявляли растерянность, неуверенность и даже панические настроения. Особый интерес представляет Постановление ЦК КП(б)Б «Об обороне г. Гомеля» от 30 июля 1941 г., в котором признается неправильным и опасным поведение бюро Гомельского обкома КП (б)Б и его первого секретаря т. Жиженкова, проявляющих благодушие и беспечность и не принявших решительных и быстрых мер по организации обороны г. Гомеля [1, с. 113]. Более того, как отмечается в докладной записке В. Н. Кресика, Л. Я. Горелика на имя Г. Б. Эйдинова от 19 августа 1941 г., «партийное и советское руководство города (за исключением председателя горисполкома т. Лебедева) в течение

двух дней оставили город на произвол судьбы, разошлись в неизвестном направлении, не давали о себе знать» [1, с. 171].

Особого внимания заслуживает многоаспектная проблема эвакуации. Сборник содержит достаточно много различных документов и материалов, касающихся этой темы, что, безусловно, поможет восполнить в определенной мере пробел в ее изучении. По нашим подсчетам, 35 из 144 документов, включенных в сборник, содержат данные об эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий, средств сельскохозяйственного производства, крупного рогатого скота, материальных ресурсов, различных учреждений.

О том, что плановая эвакуация из г. Гомеля началась 3 июля 1941 г., сообщается в информации Ф. В. Жиженкова, в которой так же отмечается, что на 11 июля эвакуированы по г. Гомелю и области полностью предприятия: судоремонтный завод, завод «Гомсельмаш», обувная фабрика «Труд», завод им. Кирова. Частично отгружено оборудование... фабрики «Полеспечать»... стеклозавода... Речицкой спичечной фабрики... жирокombината... Добрушской фабрики «Герой труда» [1, с. 20].

Исходя из содержания докладных записок, информации, спецсообщений и других документов сборника, становится очевидным, что эвакуация промышленного оборудования, материальных ценностей, а также населения проходила в чрезвычайно напряженной обстановке. Прежде всего, не хватало транспорта, что приводило к срыву эвакуации. Об острой нехватке вагонов и срыве эвакуации ценного оборудования и материалов из г. Гомеля и районов Гомельской области говорится в телеграмме секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко наркому путей сообщения СССР Л. М. Кагановичу от 2 июля 1941 г., в которой он просит «срочно оказать помощь подвижному составу в размере не менее 500 вагонов ежедневно сроком до 15 августа» [1, с. 15].

Касаясь этой проблемы, приведем отдельные выдержки из докладной записки уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б)Б М. Захарова П. К. Пономаренко от 31 июля 1941 г.: «Вывоз грузов лимитируется вагонами и автотранспортом. Так, на 30.VII правительственная комиссия запланировала для завода (им. Кирова – Л. С.) 20 вагонов, а железная дорога представила 10 вагонов; на 30.VII (31.VII – Л. С.) было запланировано 15 вагонов, дорога же к 11 часам предоставила только один вагон. В результате на ст. железной дороги лежит без погрузки подвезенный чугун, литье и металлолом» [1, с. 115]. Безусловно, это обстоятельство негативно сказывалось на эвакуационном процессе. Как показывает анализ материалов сборника, по состоянию на 31 июля 1941 г. оставалось еще не вывезенным разных грузов по заводу им. Кирова (ориентировочно) 62 вагона, по Гомсельмашу – 453 вагона; по заводу ПВРЗ – не менее 50 вагонов; по стеклозаводу им. Сталина – 93 вагона; по Добрушской бумажной фабрике «Герой труда» – 250 вагонов; по комбинату «Спартак» – 200 вагонов [1, с. 114–116].

Было бы, однако, неправильно объяснять создавшееся положение с эвакуацией промышленного оборудования и материальных ценностей только отсутствием достаточного количества транспортных средств. Были и другие причины. В документах сборника приводятся факты, подтверждающие неорганизованный характер эвакуации в первые месяцы войны. Как сообщает Ф. В. Жиженков: «В первые дни эвакуации отправка оборудования в ряде предприятий и организаций проходила ненормально, неорганизованно. Отдельные предприятия: завод им. Кирова, судоремонтный завод, ДДТП оставили ценное оборудование без надлежащей охраны» [1, с. 20].

Отдельные директора предприятий сбежали, не проведя эвакуации. В спецсообщении заместителя наркома госбезопасности БССР С. Г. Духовича отмечается: «Руководство комбината «Везувий», завода им. Кирова, фабрики «Труд» выехало, не закончив эвакуацию. Директор завода им. Кирова Шапоро при отъезде не рассчитался с рабочими и не оставил денег для оплаты бойцам МПВО (17 человек)... Директор фабрики «Труд» не оставил денег для оплаты рабочим. Со стороны рабочих фабрики имеются заявления о том, что первые эшелоны грузили личными вещами руководителей фабрики» [1, с. 113].

К тому же следует отметить, что негативно сказывался на процесс эвакуации и такой фактор, как огромные потоки беженцев и отступающие войска. На это обращал внимание секретарь Рогачевского РК КП(б)Б С. М. Свердлов: «Остальные ценности не были вывезены в связи с отсутствием транспорта и, главным образом, загруженностью переправы отступающими войсками и беженцами» [1, с. 109]. Как обстояли дела с невывезенными материальными ценностями, весьма ярко свидетельствуют справка об эвакуации зернопродуктов по БССР, датированная 24 августа 1941 г., и информация С. М. Свердлова. Согласно вышеупомянутой справке из 151 125 тонн зернопродуктов было уничтожено 42 500 тонн, в т. ч. 1200 тонн в Гомельской области. В своей информации С. М. Свердлов прямо пишет: «Основная масса невывезенных ценностей (бензин, спирт, мука, зерно, сено и др.) нами была уничтожена» [1, с. 109, 198]. Как видно, эвакуационная кампания не принимала в расчет жизненные интересы населения и не обеспечила раздачу людям хотя бы части продовольствия, оставшегося под оккупацией.

Материалы сборника дают возможность сделать определенные выводы по такой важной составляющей эвакуационного процесса, как эвакуация гражданского населения в восточные регионы советского тыла. Анализ документов показывает, что в первую очередь были приняты срочные меры по перебазированию на восток детских дошкольных учреждений, детских домов, пионерских лагерей. Как следует из информационного сообщения В. Ф. Жиженкова, «начиная с 3 по 11 июля, в порядке эвакуации отправлено детей из детдомов, пионерских лагерей, детсадов и яслей, матерей с детьми, прибывших жителей районов западных областей 445 вагонов...» [1, с. 121]. Согласно сведениям Гомельской эвакуационной комиссии до 9 августа

1941 г. из Гомеля выехало 238 детей из детских домов и 523 ребенка из детских больниц [1, с. 157]. Особое внимание уделялось эвакуации женщин и детей. Из докладной записки наркома внутренних дел БССР А. П. Матвеева П. К. Пономаренко «О ходе эвакуации женщин и детей из города Гомеля» можно оценить проведение эвакуации этих категорий населения. В ней отмечено, что «с 3 по 7 августа из г. Гомеля отправлено 4 эшелона с эвакуируемыми из города и района женщинами, детьми и лицами преклонного возраста. Всего за 3, 4, 5 и 7 августа эвакуировано в 205 вагонах 7932 человека и 500 выехали лошаадьми». Этот документ свидетельствует о том, что эвакуационный процесс происходил довольно организованно: эвакуированным выдавались специальные посадочные талоны; граждане, нуждающиеся материально, получали средства на питание в дороге от 100 до 200 рублей на семью; кроме того, на больших станциях в пути организовывались бесплатные обеды. В составе эшелона имелся вагон-ларек с необходимыми продуктами, а также специальный вагон с медобслуживающим персоналом. В то же время в документе отмечаются и недостатки: «Посадка в вагоны проводилась неорганизованно. В результате чего размещение по вагонам было крайне неравномерное (от 40 до 70 человек). Недостаточное количество скамеек в вагонах вызывало жалобы матерей, которые были вынуждены держат на руках ребят во время сна» [1, с. 151].

Вместе со своими предприятиями и учреждениями были перевезены на восток рабочие и служащие. Этот аспект эвакуационного процесса отражен в разных материалах сборника. Например, в информационном сообщении Ф. В. Жиженкова указывается, что только с 3 по 11 июля 1941 г., «по неполным данным, совместно с предприятиями г. Гомеля выехало рабочих с семьями 9000 человек» [1, с. 20]. Согласно сведениям Гомельской эвакуационной комиссии на 9 августа 1941 г. из Гомеля выехало 7243 работающих на предприятиях и 14238 членов их семей [1, с. 157]. Как показывают архивные документы, на восток страны эвакуировалась лишь часть коллективов. Подтверждением тому являются развернутые сведения по 35 предприятиям Гомельской области по состоянию на 24 августа 1941 г.

Вместе с тем местные власти не до конца использовали должным образом то значительное время, которым располагали (почти 2 месяца) для проведения эвакуационных мероприятий. В докладной записке инструктора ЦК КП(б)Б А. Павловского Г. Б. Эйдинову о ходе эвакуации населения г. Гомеля подчеркивалось, что по состоянию на 18 августа 1941 г. в таких районах города, как «Монастырек» и «Карелия» неэвакуированное население составляло около 30 %. Главным образом это были женщины с детьми и престарелые. «По словам работников горкома, это население, несмотря на неоднократные предложения об эвакуации, категорически отказалось и осталось на местах до сих пор» [1, с. 172]. О том, что не все жители города стремились покинуть Гомель, свидетельствует также справка дорожно-

транспортного отдела НКВД БССР Белорусской железной дороги от 8 августа 1941 г. В ней отмечалось, что «за 7 августа 1941 года со ст. Гомель эвакуирован эшелон с семьями рабочих и служащих в количестве 46 вагонов. Всего погружено 1600 человек. Эшелон под погрузкой простоял около 10 часов. Поезд отправлен в 21 час. Задержка эшелона произошла вследствие отсутствия достаточного количества людей, эвакуируемых из г. Гомеля» [1, с. 155]. Вновь обратимся к докладной записке А. Павловского, в которой констатируется, что «в результате проведенной нами беседы с населением обеих этих окраин («Монастырек» и «Карелия» – Л. С.) абсолютное большинство жителей изъявили желание выехать из Гомеля и просят оказать помощь подводами для перевозки детей и стариков» [1, с. 172]. Как видно, реакция людей на эвакуацию была различной: одни спешили с отъездом, другие не торопились покидать город. Продолжая анализ данной проблемы, необходимо остановиться на содержании докладной записки В. Н. Кресика, Л. Я Горелика Г. Б. Эйдинову. Как следует из этого документа, 18 августа 1941 г. состоялось совещание партийных и советских работников г. Гомеля. На нем было поручено горкому и горисполкому закончить эвакуацию населения и материальных ресурсов, обеспечить водоснабжение города, открыть 2 магазина для торговли. Это решение принимается в то время, когда бои шли уже в районе д. Поколюбичи (пригород Гомеля – Л. С.). В этот же день секретарь Гомельского РК КП(б)Б Кайков выехал в колхоз, чтобы обеспечить доставку необходимых 60 подвод для эвакуации оставшегося населения. Кроме того, 70 подвод дали коммунальные предприятия города [1, с. 171]. Встает логический вопрос: далеко ли можно было эвакуироваться на подводах, когда враг находился уже на самых подступах к Гомелю?

Материалы сборника позволяют проследить выполнение партийными и советскими органами директивы ГКО СССР об уборке урожая. В соответствии с этой директивой подлежали полному уничтожению технические культуры; зерновые культуры и картофель передавались остающимся колхозникам по 1,5–2 га на хозяйство. Вся остальная часть посевов зерновых культур и картофеля уничтожалась. Эта директива должна была быть приведена в немедленное исполнение в 8 районах Гомельской и 12 районах Полесской областей согласно распоряжению СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 25 июля 1941 г. Так, согласно плану уборки и уничтожения урожая колхозами в 8 районах Гомельской области, находящихся в непосредственной близости от военных действий, из 148 510 га, уборочной площади зерновых подлежало уничтожению 58 047 га, или 40 %; картофеля – соответственно из 38 149 – 26 188 га, или 70 % [1, с. 145].

Уничтожение урожая вызвало возмущение среди населения. Об этом свидетельствуют многие документы сборника. Как иллюстрация к сказанному небезынтересна следующая выдержка из спецсообщения А. П. Матвеева

Г. Б. Эйдинову 20 августа 1941 г. : «В д. Годиловичи и в окружающие Годиловичи сёла приехал представитель Гомельского облисполкома. И через местные советские органы по сёлам вывесил афиши, призывающие к уничтожению посевов, домов и скота, и отдал распоряжение: «Если в 3-дневный срок хлеб не будет убран, то надо его сжечь, так же сжечь дома, а картофель перепахать... Уполномоченный кричал на председателя сельсовета, чтобы он немедленно выгонял скот на хлеб и травил его». Население д. Годиловичи, особенно женщины, это распоряжение встретили с негодованием. У расклеенной афиши собралось до 40 женщин, среди которых велись разговоры: «Наши мужья находятся на войне, а вы нас хотите оставить вместе с детьми голодными, без жилья и скота» [1, с. 181–182].

Сопrotивление политике уничтожения урожая оказывали и военные. К примеру, С. М. Свердлов информировал ЦК КП(б)Б и Гомельский ОК КП(б)Б о том, что «наблюдаются недопустимые факты противодействия со стороны многих военных (красноармейцев и командиров) реализации решения Совета обороны об урожае. В продолжение 3–4 дней военные изгоняли наших работников, посланных в сельсоветы по этому вопросу, некоторые арестовывались (т. Рядченко). Военные товарищи разъясняли населению, что немцев они не допустят и поэтому часть посевов уничтожается в результате паники местных властей...» [1, с. 129]. Между тем, как подчеркивается в спецсообщении А. П. Матвеева, «большая часть районов, в которых Гомельским облисполкомом предложено уничтожить скот и посевы, находится в значительном отдалении от линии фронта и при хорошей организации сельскохозяйственных работ уборка урожая может быть произведена полностью, чему мешает паническое настроение работников советских органов Гомельской области. Необходимость уборки урожая, а не уничтожение его, вызывается еще и тем обстоятельством, что войска 21-й армии должны бесперебойно снабжаться хлебом, мукой, фуражом... из местных ресурсов области» [1, с. 182].

Материалы сборника охватывают и такой интересный аспект советской оборонительной стратегии, как создание и деятельность истребительных батальонов и полков народного ополчения. Касаясь этой проблемы, следует отметить, что наибольший интерес представляют материалы о Гомельском полке народного ополчения, который сформировался в первые дни войны. Полон драматизма пример мужественного сопротивления врагу Гомельского полка народного ополчения на подступах к Гомелю совместно с бойцами 21-й Армии, о чем свидетельствует рапорт командования полка о его боевых действиях 15–19 августа 1941 г. Этот документ показывает не только ратный подвиг, совершенный ополченцами, но и причины их поражения. Прежде всего – недостаток оружия и боеприпасов. Уместным будет процитировать отдельные выдержки из вышеупомянутого нами рапорта комиссара полка Шуцкого и начальника штаба Кужелева: «Полк вышел так быстро из

строю и имеет такой огромный урон живой силы, во-первых, потому что полк имел на вооружении только винтовки и очень ограниченное количество пулеметов и гранат против минометов, пулеметов и артиллерии врага» [1, с. 181]. О слабом вооружении отрядов народного ополчения говорят и другие материалы сборника. Так, согласно информационной записке Л. Я. Горелика, В. Н. Кресика от 26 июля 1941 г., в Жлобинском районе были созданы отряды народного ополчения с численным составом до 600 человек, на вооружении которых имелось всего лишь 200 винтовок и незначительное количество гранат. Кроме того, как вытекает из архивных документов, к слагаемым поражениям нужно отнести слабую военную подготовку бойцов, отсутствие технической связи, острую нехватку соответствующего обмундирования.

Документы и материалы сборника вносят определенный вклад в освещение «белого пятна» военной истории, которым долгое время оставался вопрос о настроениях и поведении населения во время оккупации. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в них проводится мысль об активной жизненной позиции и высокой жертвенности советских граждан. В то же время документы свидетельствуют о том, что довольно быстро среди населения выделились люди, недовольные советской властью и выявили готовность к антисоветским действиям. Случаи проявления такой позиции фиксируются во многих архивных источниках. Так, в докладной записке С. Г. Духовича Г. Б. Эйдинову от 19 июля 1941 г. говорится: «В связи с войной, начатой фашистской Германией против Союза ССР, на территории БССР, не оккупированной Германией, начал проявлять активность контрреволюционный элемент из среды бывших людей, кулаков и др. Эти люди выступают с пораженческим настроением в отношении СССР, восхваляют Гитлера, клеветают на советское правительство и коммунистическую партию, высказывают террористические настроения в адрес коммунистов и руководителей советского аппарата». В этой же докладной приводятся факты, подтверждающие число арестованных и осужденных за контрреволюционную деятельность. «По Гомельской области за контрреволюционные преступления с 2.VII по 19.VII.41 г. арестовано 135 человек..., из них осуждено к ВМН – (высшей мере наказания – Л.С.) – 52 чел., на 10 лет – 13 чел., от 10 до 5 лет – 6 чел.» [1, с. 33].

Таким образом, сборник дает богатый материал для серьезного осмысления самых сложных дискуссионных проблем начального периода Великой Отечественной войны, а также воссоздания военно-политической обстановки в этот период на территории Гомельщины.

Список литературы

1 Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – 272 с.

УДК 94(476) "1941/1945"

ТАКТИЧЕСКАЯ МАСКИРОВКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И. А. СОЛОДКИЙ, В. И. МАЛЬЦЕВИЧ

Учреждение образования

«Военная академия Республики Беларусь», г. Минск

В истории войн немало примеров, когда противоборствующие стороны прибегали к ухищрениям и уловкам, вводящим в заблуждение друг друга относительно истинных намерений. Без скрытности подготовки действий и без введения противника в заблуждение не может быть внезапности. А без внезапных, стремительных и решительных действий войск не будет и победы.

Опыт, приобретенный Красной Армией с первых дней начавшейся Великой Отечественной войны, внес ясность в определение понятий «военная хитрость» и «маскировка». Маскировка получила конкретное толкование, как составная часть комплекса мероприятий по военной хитрости.

Что касается темы военной хитрости, то она нашла отражение в многочисленных статьях, памятках, специальных работах. Опыт применения военной хитрости в годы Великой Отечественной войны был учтен при составлении уставов и наставлений, вышедших в годы войны и в послевоенное время и сыгравших важную роль в победе над врагом и развитии такого вида боевого обеспечения как тактическая маскировка.

Осуществление маскировочных мероприятий требовало немало искусства от командиров, штабов и войск. В начале войны, летом 1941 г., были часты случаи, когда в частях и соединениях Красной Армии не соблюдались элементарные правила маскировки; окопы и другие сооружения маскировались несвоевременно и в основном лишь от наземного наблюдения противника; табельное маскировочное имущество использовалось неумело, а подчас и не по назначению.

Причинами таких недостатков являлись: слабая обученность войск; командиры и штабы рассматривали маскировку как второстепенное дело, не уделяли должного внимания ее планированию и проведению; в решениях на бой обычно не планировались мероприятия тактической маскировки, не предусматривалось оборудование ложных объектов и сооружений [1].